

ОТДѢЛЪ II.

ХРОНИКА.

Хроника Византиновѣдѣнія.

Великая европейская война и послѣдовавшая въ Россіи перемена политическаго строя, вызвавъ къ жизни новые запросы, отвлекла вниманіе отъ многихъ теоретическихъ и идеологическихъ темъ, охладивъ къ нимъ общественное вниманіе. Выѣстъ съ настоящимъ выпускомъ «Византийскаго Временника» представляется умѣстнымъ бросить ретроспективный взглядъ на ближайшее прошлое, когда мы не были въ состояніи продолжать это изданіе, ни получать какія либо свѣдѣнія о заграничныхъ работахъ и предпріятіяхъ въ этой области.

До войны было два органа, посвященные разработкѣ Византийскаго исторіи и литературы: нѣмецкій журналъ Карла Крумбахера, *Byzantinische Zeitschrift*, и русскій «Византийскій Временникъ» издаваемый при Россійской Академіи Наукъ. Нужно еще замѣтить что Русскій Археологическій Институтъ въ Константинополѣ имѣлъ свой спеціальнѣйшій органъ, занимавшійся разработкой главнѣйше византийскихъ темъ, это «Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ». Три органа по Византиновѣдѣнію — конечно много: такого мнѣнія былъ и покойный Крумбахеръ, какъ онъ выражался въ письмѣ ко мнѣ. Но въ какомъ положеніи находится въ настоящее время нѣмецкій органъ и есть ли надежда на продолженіе его, и подъ какой редакціей, это остается неизвѣстнымъ, а между тѣмъ это имѣетъ громадное значеніе для Византиновѣдѣнія какъ въ настоящее, такъ и въ ближайшее время. Находясь на распутьи, желая ориентироваться относительно направленія и дальнѣйшаго пути, естественно подумать о наличныхъ средствахъ и силахъ и произвести подсчетъ актива и пассива.

Въ ожиданіи, пока выяснится положеніе дѣла въ Западной Европѣ, если только не обманетъ насъ надежда на возстановленіе почтовыхъ и пныхъ сношеній, безъ конхъ невыслима историческая эволюція и успешный умственный трудъ, мы пользуемся настоящимъ выпускомъ русскаго Византийскаго журнала, чтобы сообщить о томъ что было предметомъ

вниманія по занимающему насъ отдѣлу въ Русской Академіи Наукъ въ Петербургѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что исключительныя условія переживаемаго времени ввели въ узкое русло эти изученія, но нельзя не думать, что это временной этапъ, за которымъ начнется движеніе впередъ со свѣжими силами.

Прежде всего слѣдуетъ обратити вниманіе на новые матеріалы по выясненію нѣкоторыхъ сторонъ въ исторіи Трапезунтской имперіи. Послѣ Фальмерайера, издавшаго около 100 л. назадъ исторію имперіи Трапезунтской въ сущности не прибавилось новыхъ источниковъ на эту тему, а то что въ его книгѣ могло пуждаться въ поправкахъ и дополненіяхъ, то отмѣчено въ сочиненіи Финлея «Средневѣковая Греція и Трапезунтъ», Лондонъ 1851. Между тѣмъ, съ точки зрѣнія русскихъ народно-государственныхъ интересовъ, Трапезунтъ заслуживаетъ тщательнаго вниманія со стороны русской науки. Его право на наше вниманіе основывается не только на томъ обстоятельстве, что онъ былъ отъ 1207 по 1461 г. столицей отдѣльнаго государства и продолжалъ традиціи римско-византийской имперіи въ администраціи и правѣ, въ наукѣ и искусствѣ, но еще и потому, что Трапезунтская имперія простирала свое вліяніе на сѣверные берега Чернаго моря, держала въ зависимости городъ Кафу (Θεοδοσία) на ю. берегу Крыма, имѣла постоянныя сношенія съ независимымъ крымскимъ княжествомъ Θεοδορο (нынѣ Мангупъ) и вообще отъ начала и до самаго паденія претендовала на господство въ южной Россіи, что и выражалось въ официальной титулѣ императоровъ: Вѣрныи царь и самодержецъ всей Анатолиі, Грузіи и Ператіи (Заморская земля). Этотъ послѣдній терминъ обозначаетъ ту часть южной Россіи, которая лежитъ за моремъ на сѣверъ отъ Трапезунта.

Не смотря на историческую важность и до извѣстной степени замалчивость предмета, изученіе исторіи Трапезунтской имперіи, вслѣдствіе чрезвычайной скудости мѣстныхъ историческихъ матеріаловъ, мало привлекало къ себѣ охотниковъ, какъ указано выше, не говоря уже о русскихъ, но и со стороны западныхъ ученыхъ. Правда, недостатокъ письменныхъ памятниковъ могъ бы восполняться значительнымъ количествомъ сохранившихся, въ особенности въ самомъ Трапезунтѣ, архитектурныхъ и художественныхъ памятниковъ. Но основательное знакомство съ таковыми весьма было затруднительно вслѣдствіе особыхъ взглядовъ турецкаго правительства на попытки европейскихъ ученыхъ проникнуть съ цѣлью научныхъ изслѣдованій въ древнія религіозныя и другія учрежденія, приспособленныя уже ими для своего культа или другихъ потребностей, въ особенности въ удаленныхъ отъ центра провинціяхъ. Незаконченность изученія естественно подаетъ поводъ къ разворѣчивымъ и мало иногда обоснованнымъ взглядамъ на постановку общихъ вопросовъ по отношенію къ Трапезунтской исторіи и культурѣ: составляетъ ли она дальнѣйшее развитіе и продолженіе византийско - константинопольской, или же носитъ оригинальныя черты мѣтнаго характера въ связи съ

особенными присущими ей этнографическими и географическими условиями. Въ послѣднемъ случаѣ напрашивались бы на внимательное изученіе тѣ элементы, которые, не безъ основанія конечно будучи восприняты въ титулъ императоровъ, даютъ ясныя указанія, что эта имперія въ своемъ происхожденіи и существованіи опиралась какъ на грузинскую народность, такъ и на весьма мало еще выясненныя связи — экономическія и торгово-промышленныя — съ Крымомъ и Кавказомъ. Эти послѣднія соображенія легко приводятъ насъ къ заключенію, что исторія Трапезунтской имперіи входитъ нѣкоторою частью въ задачи принадлежащія къ исторіи Россіи.

Великая европейская война открыла для любознательности русскихъ ученыхъ часть территорій, входившей въ составъ этой имперіи. Какъ извѣстно, въ 1916 г. русскими войсками былъ занятъ Трапезунтъ и его окрестности, оккупация продолжалась и весь слѣдующій 1917 г. Не буду здѣсь входить въ подробности моихъ хлопотъ по организациіи научной экспедиціи въ Трапезунтъ *для регистраціи и описанія археологическихъ и литературныхъ памятниковъ*.

Въ 1916 и 1917 гг. на лѣтніе мѣсяцы мнѣ удалось организовать археологическія поѣздки въ Трапезунтъ, въ первый разъ въ составѣ трехъ, во второй въ числѣ 7 сотрудниковъ. Тотъ и другой разъ я оставался на мѣстѣ и послѣ моихъ товарищей, какъ для приведенія въ порядокъ добытаго матеріала, такъ и съ цѣлью обеспеченія сохранности его. Казалось бы этого достаточно для полнаго знакомства и исчерпывающаго изученія памятниковъ города Трапезунта, но на самомъ дѣлѣ неожиданная эвакуация занятой области русскими войсками въ 1918 г. прервала начатую работу и не позволила довести археологическое изученіе Трапезунта до той полноты, какая намѣчалась и которая соотвѣтствовала несомнѣнной важности добытыхъ научно археологическихъ литературныхъ и художественныхъ матеріаловъ.

Общая оцѣнка этого матеріала нуждалась бы въ предварительной подготовкѣ, въ дополнительныхъ справкахъ въ заграничныхъ архивахъ и библіотекахъ, наконецъ въ широкой исторической и технической обстановкѣ, для чего въ настоящее время нѣтъ ни типографскихъ, ни иныхъ средствъ. Но съ другой стороны — и это не лишено для насъ если не національнаго, то во всякомъ случаѣ общаго значенія — пребываніе въ Трапезунтѣ съ научной цѣлью и постоянныя дѣловые сношенія съ мѣстнымъ населеніемъ христіанскимъ и мусульманскимъ, греческимъ и армянскимъ — раскрыло такія стороны взаимныхъ отношеній между тѣми и другими и ознакомило съ такими проявленіями ихъ взаимныхъ притязаній и интересовъ, которыя несомнѣнно отражались и въ предыдущей ихъ исторіи и могутъ помочь къ объясненію разныхъ мало выясненныхъ чертъ въ Трапезунтской исторіи.

Еще до открытія великой европейской войны, приготовивъ къ изданію Исторію Византійской имперіи, я долженъ былъ принять въ сообра-

женіе и судьбы Трапезунта. Но вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ, о которыхъ здѣсь говорить не мѣсто, исторія Трапезунта предоставлена была мною другому лицу и вошла въ 3 т. моей рукописной исторіи въ сокращенномъ изложеніи¹⁾. Читатель легко пойметъ, что военныя обстоятельства, передавшія на нѣкоторое время трапезунтскую область въ русскія руки, были такимъ благопріятнымъ условіемъ для моихъ научно-историческихъ задачъ, что я долженъ былъ съ крайне благодарнымъ чувствомъ использовать ихъ для выполненія опредѣленной цѣли. Выше замѣчено, что двукратная поѣздка въ Трапезунтъ въ 1916—1917 гг. не позволила мнѣ вполнѣ ознакомиться ни съ архитектурными и художественными памятниками, ни съ рукописными, находящимися въ монастыряхъ. Тѣмъ не менѣе, и то что было мнѣ доступно, и съ чѣмъ я могъ достаточно ознакомиться — поставило меня въ возможность, употребляя скромное выраженіе, составить нѣсколько оригинальныхъ и новыхъ главъ для исторіи Трапезунтской имперіи и вмѣстѣ съ тѣмъ дать новое освѣщеніе нѣкоторымъ фактамъ, нашедшимъ себѣ мѣсто въ трудахъ Фальмерайера и Финлеся.

Появленіе въ печати этого труда, нуждающагося еще въ обработкѣ деталей и въ благопріятныхъ условіяхъ для изготовленія иллюстраціоннаго матеріала, нельзя однако, ожидать въ скоромъ времени.

Весной въ 1918 г. было внесено мною предложеніе въ Академію Наукъ объ образованіи комиссіи съ цѣлью усиленія занятій Византіей. Этой комиссіи присвоено наименованіе центральной фигуры культурнаго и въ частности археологическаго движенія въ X вѣкѣ, именно Константина Порфиророднаго. Цѣль и общія соображенія о планѣ занятій въ этой комиссіи изложены въ прилагаемой запискѣ.

Въ отдѣленіе исторіи и филологіи Россійской Академіи Наукъ.

«Послѣ продолжительныхъ колебаній и размышленій рѣшаюсь привлечь вниманіе Отдѣленія къ тѣмъ традиціямъ, которыя, повидимому, находятся въ глубокомъ несоотвѣтствіи съ переживаемыми настроеніями. Рѣшаюсь на это въ томъ убѣжденіи, что испытанныя нами громадныя потрясенія, угрожающія полнымъ колебаніемъ прежнихъ основъ, на коихъ покоилась культурная жизнь русскаго народа, не могутъ не волновать моихъ академическихъ коллегъ и не возбудить въ нихъ желанія всемѣрно озаботиться средствами по охранѣ полученнаго нами отъ предшественниковъ своихъ достоянія. Имѣю въ виду на первомъ мѣстѣ академическія традиціи по изученію Византіи, которыя всегда находили благожелательный откликъ въ Европѣ и даже преувеличенно оцѣнивались тамъ достигаемые въ Россіи успѣхи по изученію Византіи. Начиная съ XVIII в. — съ академиковъ-иноземцевъ Байера, Шлецера и Круга — и продолжая XIX-мъ, въ Академіи не переставала пробиваться

1) Покойному Борису Амѣановичу Панченко, бывшему ученому секретарю Института.

работой при Академіи является в настоящее время составление статьи «Исторіи Византиновѣдѣнія въ Россіи». Эта работа поручена автору «Хроникъ».

Присоединимъ нѣсколько данныхъ по состоянію изученія Византіи въ Кіевѣ ¹⁾.

Въ Кіевскомъ университетѣ, по смерти профессора Ю. А. Кулаковскаго (въ февралѣ 1919 г.), кафедра византологіи была предоставлена петроградскому профессору И. И. Соколову. Лекціи по исторіи Византіи читались въ университетѣ въ теченіи всего послѣдняго трехлѣтія, то при двухъ часахъ въ недѣлю, то при четырехъ, съ дополненіемъ къ общему курсу и спеціальнаго отдѣла — о византійской историографіи. Кафедра исторіи Византіи была сохранена въ университетѣ, преобразованномъ (въ 1920 г.) въ Высшій Институтъ Народнаго Образованія имени Драгоманова, и на 1921—1922 учебный годъ, не смотря на усиленное сокращеніе штатовъ университетской профессуры. Осенью 1919 г. преподаваніе исторіи Византіи было предоставлено тому же профессору и на Высшихъ женскихъ курсахъ, съ назначеніемъ сперва четырехъ, а потомъ и шести часовъ въ недѣлю, съ веденіемъ и практическихъ занятій; преподаваніе прекратилось осенью 1921 года, вмѣстѣ съ присоединеніемъ курсовъ къ университету. Въ Археологическомъ Институтѣ въ 1920—1921 учебномъ году былъ прочитанъ краткій общій курсъ исторіи Византіи, какъ введеніе къ спеціальному курсу византійской палеографіи, на 1921—1922 учебный годъ здѣсь объявленъ курсъ исторіи византійской культуры. Въ Народномъ университетѣ курсъ исторіи Византіи былъ прочитанъ въ 1920—1921 учебномъ году, съ дополненіемъ спеціальнаго курса о судьбахъ эллинизма и славянства на Ближнемъ Востокѣ въ XIX—XX столѣтіяхъ. Спеціальное изученіе Ближняго Востока въ историко-правовомъ и социальнo-экономическомъ отношеніяхъ ведется въ Институтѣ внѣшнихъ сношеній, б. Ближневосточномъ (основанъ въ 1918 г.), гдѣ не только читаются теоритическіе курсы о разностороннемъ современномъ состояніи государствъ Ближняго Востока, но и изучаются языки арабскій и турецкій (Т. Г. Кезма), новогреческій (И. И. Соколовъ), сербскій (Н. Стояновичъ), болгарскій (Д. Дриновъ) и румынскій. Во Всеукраинской Академіи Наукъ византиновѣдѣніе, въ связи съ позднѣйшими культурными сношеніями Украины и Ближняго Востока, изслѣдуется въ археографической комиссіи подъ предсѣдательствомъ академика В. С. Иконникова. Однимъ изъ членовъ комиссіи изучены греческія рукописи въ Кіевѣ и Нѣжинѣ, вновь обслѣдуются съ спеціальнымъ назначеніемъ византійскіе историки, составляется руководство по исторіи византійской культуры. Археологическая Комиссія при Академіи занимается разностороннимъ изученіемъ Святой Софіи Кіевской. Наконецъ, Историческое Общество Нестора Лѣтописца, возобновившее свою дѣятельность въ

1) Эти свѣдѣнія сообщены профессоромъ И. И. Соколовымъ.

1921 году подъ предсѣдательствомъ академика Н. П. Василенко, попрежнему предлагаетъ своимъ членамъ рефераты и на византологическія темы, какъ, напримѣръ, намѣченный къ докладу реферратъ «О пріемѣ княгини Ольги в Константинополѣ, — комментарий къ Обряднику Константина Порфиророднаго».

Но какія страшныя потери испытало Византиновѣдѣніе, со времени великой европейской войны, въ рядахъ русскихъ византинистовъ! Хотя въ «Хроникѣ» было бы необходимо остановиться на этихъ потеряхъ, но предпочитаемъ отложить это до болѣе благоприятнаго времени, когда возможно будетъ выяснитъ и провѣритъ случайно доходящіе слухи. Если и въ другихъ странахъ порѣдѣли ряды византинистовъ вслѣдствіе войны, то трудно разсчитывать на возобновеніе этихъ занятій въ ближайшіе годы: Является мысль о болѣе тѣсномъ сближеніи оставшихся въ живыхъ. Въ настоящее время, казалось бы, естественно ожидать особаго вниманія къ Византиновѣдѣнію въ тѣхъ новообразовавшихся политическихъ группахъ славянъ, которые получили свободу самоопредѣленія. Не кустарнымъ однако способомъ, не вразбродъ и поодиночкѣ, а по строго выработанной программѣ, и въ одномъ органѣ было бы желательно повести эти занятія, одинаково важныя и для серба съ хорватомъ, и для болгарина, и для чеха со словакомъ, и для поляка и русскаго.

О. Успенскій.